

Глава 12

После укола жар спал, но тело всё ещё пробирала сильная слабость. Стоило юноше подняться с кровати, как ноги предательски задрожали.

«Интересно, когда это хилое тело наконец придёт в норму»

Ли Жун тяжело вздохнул. Пришлось взять ещё два дня отгула. Превозмогая дурноту, он дважды отредактировал статью и заново выровнял форматирование. К счастью, рукописи, оставленные Ли Цинли, были очень подробными, а благодаря знаниям из будущего — на шесть лет опережающим нынешние технологии — написать работу не составило труда.

Убедившись, что ошибок нет, Ли Жун бережно собрал разбросанные по столу листы. Он достал из кабинета конверт из крафт-бумаги, чтобы убрать всё в одно место.

Несмотря на размашистый почерк, Ли Цинли всегда содержал документы в строгом порядке. Жаль, что следователи этого не ценили: они перевернули всё вверх дном и перепутали страницы. Ли Жун терпеливо раскладывал листы по порядку, когда его рука внезапно замерла.

Нахмурившись, он снова прощупал пачку пальцами, оценивая её вес. У Ли Жуна не было привычки писать от руки, как у отца, но он с детства видел эти рукописи и прекрасно знал плотность бумаги, которую обычно использовал Ли Цинли. Эта стопка казалась слишком тонкой, а вес — подозрительно лёгким.

Юноша снова взял листы и поднёс их к окну, разглядывая корешок на просвет. Сомнений не оставалось: не хватало десяти с лишним страниц. На месте отрыва виднелись следы засохшего розового клея.

«Возможно, Ли Цинли допустил ошибку, сам вырвал их и уничтожил?»

Он на мгновение задумался, но, не найдя ответа, просто убрал оставшиеся документы в конверт.

День выдался солнечным и тёплым. Ли Жун, прихватив флешку и плотно закутавшись, вышел из дома. Благодаря «спонсорской помощи» Цэнь Сяо ему больше не нужно было толкаться в автобусах — теперь он мог позволить себе такси.

Цэнь Сяо перевёл ему сто тысяч юаней.

Раньше Ли Жун костями бы лёг, лишь бы не брать у него ни копейки. В нём жила гордость аристократа и предвзятость интеллектуала из «Хунсо» по отношению к дельцам из «Ланьшу». Он, как и Ли Цинли, шёл проторенным путём, держа свои идеи в «башне из слоновой кости», пока в итоге не остался на пепелище разрушенного дома.

Ему пришлось признать: только такие «хаотично-злые» личности, как Цэнь Сяо, способны выплыть в этой мутной воде. К счастью, парень был умён и умел извлекать уроки из своих ошибок.

Откинувшись на пассажирском сиденье, он лениво бросил водителю:

— Езжайте к юго-восточным воротам. Через парковку можно сразу заехать на территорию кампуса, там никто не остановит.

Таксист удивлённо покосился на него:

— С виду ты ещё школьник, а Университет А знаешь как свои пять пальцев?

— Мои родители здесь преподавали, — коротко ответил Ли Жун.

— О, почтенные люди, — уважительно протянул шофёр. — Профессора, значит.

Ли Жун усмехнулся. Он облизал сухие губы и безучастно проговорил:

— И что в этом почтенного?

— Как что? Заниматься наукой, приносить пользу людям... Это заслуживает уважения.

Юноша на мгновение посерьёзnel, и улыбка сошла с его лица.

— Слышали, недавно один профессор влип в историю? Шум поднялся знатный.

Таксиста словно осенило. Он поднял указательный палец и быстро покрутил им у виска, неодобрительно качая головой:

— А-а, да-да-да! Тот самый, по фамилии Ли. Эх, паршивая овца, честное слово! Всё народное добро, все наши налоги в свою компанию перекачал. Жил на вилле, на дорогущих тачках разъезжал, а за три года лекарство так и не сделал. Раньше-то из телевизора не вылезал: «Скоро всё будет готово», «Дети перестанут мучиться»... Лжец в овечьей шкуре, совесть псу под хвост!

Ли Жун не выдержал:

— А вы знаете, что разработка нового препарата может стоить миллиарды и длиться десять лет, не принося никакого результата?

Собеседник только отмахнулся:

— Откуда мне знать? Я и денег-то таких в глаза не видел.

— А знаете, насколько сложен процесс утверждения бюджета? — продолжал Ли Жун. — Даже если он действительно присвоил деньги, все те, кто ставил подписи выше и ниже него, тоже повязаны.

— В новостях про это не писали, а мне-то что за печаль? — резонно возразил водитель. — Я просто сторонний наблюдатель. В любом случае, он же покончил с собой — значит, испугался расплаты. Был бы чист, не стал бы лезть в петлю, вышел бы и всё объяснил.

Ли Жун замолчал на добрых полминуты. Холод в его глазах постепенно сменился горьким пониманием. Внезапно он коротко рассмеялся и согласно кивнул:

— Ваша правда.

Машина въехала в кампус и остановилась у площади с фонтаном. Юноша расплатился и вышел. Пока водитель протягивал ему чек, он пробормотал:

— Завидую студентам, которые здесь учатся. Сплошные таланты.

Ли Жун ничего не ответил. Закрыв дверь, он сложил чек в несколько раз, разорвал его на мелкие клочки и выбросил в урну.

Университет А

Площадь с фонтаном была огромной. Здесь часто гуляли местные жители и семьи сотрудников, живущих в общежитиях. Раньше Ли Жун редко присматривался к жизни этого оплота науки, стараясь не замечать обыденную суету.

— Перчатки, шарфы, шапки! Всё по шестьдесят юаней!

Иногда на площади появлялись торговцы, пользуясь невнимательностью охраны. Эти люди постоянно играли в «кошки-мышки» с патрульными, и со временем обе стороны привыкли друг к другу. Иногда охранники ленились и закрывали глаза на торговлю, давая бедолагам подзаработать.

Единственным торговцем, которого Ли Жун запомнил, была эта невысокая, полноватая

женщина с короткой стрижкой. Ли Цинли когда-то рассказывал ему о ней. Десять лет назад она работала лаборантом в биохимическом корпусе, но стала «козлом отпущения» в чьей-то игре, лишилась своей «железной чашки риса» и так и не смогла добиться справедливости.

Отец тогда был молод и занимал лишь скромную должность лектора. Не имея веса в совете, он не смог отстоять её права, о чём сожалел до конца своих дней. Позже эта женщина, пытаясь найти случайного студента, который был на месте происшествия и мог бы доказать её невиновность, начала продавать здесь вязаные вещи. К сожалению, свидетеля она так и не нашла.

Ли Цинли из жалости оформил ей пропуск в библиотеку Университета А, чтобы она могла учиться и не терять времени, пока ищет правду. Он часто приводил её в пример сыну, говоря, что нельзя недооценивать человека, способного годами стоять на своём. Даже если они не достигают цели, в них есть нечто исключительное.

Например, эта женщина за десять лет перечитала почти весь фонд библиотеки. Сейчас мало кто знал её лабиринты лучше неё.

«Тогда она вполне могла бы стать учителем, — спросил как-то Ли Жун. — Зачем продолжать продавать шарфы?»

Ли Цинли лишь улыбнулся:

«Учителем — хорошо, но и шарфы — неплохо. Чужая душа — потёмки, быть может, она давно превзошла жажду богатства и славы»

Студенты университета почти не покупали вещи с уличных лотков. Разве что волонтёры иногда брали что-то, чтобы отдать нищим на улице. Торговля шла из рук вон плохо, но женщина упрямо стояла здесь уже десять лет. Никакого расширения ассортимента: каждый год одни и те же шарфы и шапки, одни и те же фасоны. Если в первые годы она ещё что-то зарабатывала, то теперь этого вряд ли хватало на еду.

— Перчатки, шарфы, шапки! Ручная работа, разные цвета! Подходите, выбирайте!

Голос у неё был грубым, но интонации — мягкими, певучими. В этих криках не было настойчивости, и прохожие почти не обращали на торговое место внимания.

Ли Жун, спрятав руки в карманы плаща, зябко втянул голову в плечи. Его полы плаща бились об икры под порывами осеннего ветра. Он впервые внимательно рассматривал эти аляповатые изделия и в какой-то момент, прикрыв рот кулаком, негромко закашлялся.

— Ох, деточка, простудился? — Тётушка тут же заметила его. Она быстро выудила из аккуратно сложенной стопки синий шарф и подбежала к нему. — Возьми шарф, всего

шестьдесят юаней.

Ли Жун замер, почувствовав в руках мягкую шерсть. Вещь выглядела громоздкой, но на ощупь оказалась на удивление приятной. Судя по тонкому узору и ровным стежкам, это действительно была ручная работа. Продавать такое за шестьдесят юаней было преступным расточительством.

— Совсем ты разболелся, — продолжала она причитать. — Послушай тётку: приди домой, завари отвар из годжи, имбиря, жимолости и фиников. Пропотеешь, и хворобу как рукой снимет.

Она перечисляла рецепт, постукивая пальцем по ладони. Её руки были грубыми, испещрёнными мозолями от вязальных спиц, а суставы казались толще оснований пальцев. Ли Жун действительно выглядел неважно: бледный, осунувшийся, с покрасневшими глазами. Любой человек старшего поколения почувствовал бы к нему жалость.

Ли Жун мягко улыбнулся, глядя на её обветренное лицо.

— Тётушка, помогите мне кое с чем. И тогда я заберу у вас всё.

Женщина удивлённо округлила глаза:

— И чем же я могу тебе помочь?

Ли Жун пристально посмотрел на неё и медленно достал флешку. В его обычно прозрачном взгляде мелькнула стальная решимость.

— Администратор в компьютерном классе Университета А целыми днями режется в игры и почти никогда не проверяет документы. Найдите свободный компьютер. Имя пользователя — liqingli, пароль — rong1117. Помогите мне отправить файлы с этой флешки...

Услышав знакомое имя пользователя, торговка едва заметно изменилась в лице. Словно нахлынули старые воспоминания. Она попятилась, качая головой:

— Да как же я... я ведь не умею, у меня не получится.

Ли Жун чуть склонил голову, не отводя уверенного взгляда.

— У вас получится. Тётушка, мне сейчас нельзя светиться. Помогите мне. Считайте, что помогаете ему.

Губы женщины дрогнули. Она внимательно посмотрела на Ли Жуна, а затем медленно протянула руку и сжала флешку в ладони.

— Я... хорошо, я попробую.

— Спасибо.

Ли Жун проводил её взглядом и, плотнее запахнув плащ, присел на корточки прямо посреди людского потока. Уставившись в сторону корпуса биохимии, он замер, напоминая неподвижный гриб.

Примерно через час женщина вернулась, запыхавшаяся и покрасневшая. Она сунула флешку обратно юноше и показала экран своего телефона:

— Глянь, деточка, так должно быть?

Ли Жун сверил данные Ли Цинли и, убедившись, что рукопись отправлена, с облегчением улыбнулся:

— Всё верно. Тётушка, давайте я куплю у вас всё, и вы пойдёте домой пораньше.

Он уже потянулся за телефоном, чтобы перевести деньги, но она придержала его руку. В её глазах читалось нескрываемое сострадание.

— Зачем тебе столько? Кто их носить-то будет?

Ли Жун замялся. Носить их действительно было некому — его дом опустел.

— Не трать деньги попусту, — вздохнула тётушка. — Это была не такая уж большая услуга. Считай, что я просто помогла тебе. Если хочешь, купи один.

Ли Жун опустил взгляд на синий шарф, обмотанный вокруг шеи. Он и не заметил, как в задумчивости повязал его. Оказалось, он действительно очень тёплый. Парень провёл пальцами по узору вязки, взглянул на гору вещей, которая за день почти не уменьшилась, и снова спросил:

— У меня есть деньги. Вы уверены?

Женщина добродушно рассмеялась и махнула рукой:

— Ну, купишь ты у меня на день, а на год всё равно не наберёшься. Был тут один учитель...

Тоже видел, что дела идут плохо, и всё норовил выкупить всё разом, чтобы раздать студентам. Но разве я могла позволить? Так он стал приходить каждый день и покупать по одному. Говорил, мол, родственников много, все обожают ручную работу. Но вот уже месяц, как он не заглядывал.

Её улыбка погасла, а взгляд стал тоскливым. Она вернулась к своему лотку и, сгорбив спину, принялась в сотый раз перекидывать перчатки.

Когда Ли Жун уже решил, что разговор окончен, она тихо пробормотала:

— Я ведь ничего в этом не смыслю... Но скажи, те студенты, которые получили мои шарфы и перчатки... они ведь знают, что он был хорошим человеком? Пока хоть кто-то в него верит, нельзя терять надежду.

Ли Жун молча дослушал её историю и едва заметно улыбнулся. Он указал пальцем на свой шарф:

— Тогда я возьму этот синий и ещё один, вон тот, с вышивкой.

Тётушка ловко убрала вещь в пакет:

— Держи. Со ста двадцати сделаю скидку — давай ровно сотню.

Ли Жун протянул две сотни. Женщина нахмурилась и попыталась вернуть сдачу:

— Нет-нет, я лишнего не возьму.

Ли Жун коснулся синего шарфа на шее и многозначительно произнёс:

— Ничего. Мы ещё увидимся.

Она замерла, глядя на его лицо, и её пальцы невольно сжали потемневший край рукава.

На обратном пути Ли Жун чувствовал небывалую легкость. Вспомнив о своей заветной мечте стать «ленивой рыбой», он с энтузиазмом связался с неким «золотым спонсором».

[Ли Жун: Цэнь Сяо! Цэнь Сяо! Как прошёл день? Ты уже пообедал?]

Ответа не последовало.

[Ли Жун: Со следственной группой всё улажено? Исследования моего отца дорогого стоят, нельзя позволить «Хунсо» нас опередить!]

Цэнь Сяо по-прежнему молчал.

[Ли Жун: Прости, что заставил тебя унижаться перед Председателем Цэнем. Я купил тебе подарок, тебе точно понравится.]

[Цэнь Сяо: ?]

[Ли Жун: Жди у школы.]

Когда Цэнь Сяо увидел этот ярко-красный шарф, он не сразу понял, сколько в благодарности Ли Жуна было искренности, а сколько — издевки.

— И это всё?

Шарф был удушающе уродлив. Но Ли Жун явно был собой доволен.

Он завел Цэнь Сяо в пустой коридор и, встав на цыпочки, обмотал огненно-красную шерсть вокруг его шеи.

— Я только по дороге заметил, что на шарфе есть маленький кармашек. Туда можно положить банковскую карту или пропуск. Вот, почувствуй.

Его руки обхватили шею Цэнь Сяо, голова склонилась к плечу. Пока пальцы Ли Жуна возились с молнией кармашка на затылке Цэнь Сяо, он сам невольно подался вперед, почти повиснув на нем.

Они стояли вплотную. В прохладных сумерках жар их тел ощущался острее любого предзакатного зарева. Цэнь Сяо стоило лишь чуть повернуть голову, чтобы коснуться губами светлой, почти прозрачной кожи Ли Жуна.

Длинные ресницы юноши подрагивали в лучах заходящего солнца, а взгляд был мягким и глубоким. Закончив с шарфом, Ли Жун небрежно заправил прядь волос за левое ухо мизинцем, обнажив влажные от испарины вьющиеся пряди у висков.

От шеи Ли Жуна веяло тонким, едва уловимым ароматом лекарств — горьковатым и странно манящим.

Цэнь Сяо наконец решил, что в этом подарке всё же есть свои плюсы.

<http://bllate.org/book/15351/1416498>